

RU

Сновидения и кошмары в фантастике первой половины XX века:
творчество Г. Ф. Лавкрафта

Тимошкина М. И.

Аннотация. Цель исследования – определение влияния поэтики сновидений и кошмаров на природу фантастического в творчестве Г. Ф. Лавкрафта. В статье поднимается вопрос о месте сновидений, кошмаров и измененных (пограничных) состояний сознания в «жанрово-обусловленной» фантастике и об особенностях их изображения непосредственно в «лавкрафтовских ужасах». Научная новизна работы заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении фантастика американского писателя подробно исследована через призму онейрического, а также в контексте общелитературных тенденций эпохи модерна. Выявлено, что для Г. Ф. Лавкрафта пространство сновидений является «иной», схожей с мифологической реальностью, а сон – порталом к ней, подобно порталам в литературе фэнтези. В то же время отношение писателя ко сну как таинственному миру, «истинной» реальности созвучно как романтическому, так и модернистскому мироощущению. В результате исследования определено, что сновидения и кошмары «усиливают» эффект от фантастики Г. Ф. Лавкрафта, позволяя писателю достичь максимальной атмосферы «сверхъестественного ужаса» и эффекта «иллюзии достоверности», ключевых для авторской мифологии Ктулху и жанра ужасов (хоррора) в целом.

EN

Dreams and nightmares in early 20th century fantastic literature:
the works of H. P. Lovecraft

M. I. Timoshkina

Abstract. The aim of this research is to determine the influence of the poetics of dreams and nightmares on the nature of the fantastic in the works of H. P. Lovecraft. The article raises the question of the place of dreams, nightmares, and altered (liminal) states of consciousness in "genre-conditioned" fantastic literature, and on the features of their depiction directly in "Lovecraftian horrors." The scientific novelty of the work lies in the fact that, for the first time in Russian literary studies, the science fiction of the American writer is studied in detail through the prism of the oneiric, as well as in the context of general literary trends of the Modernist era. It is revealed that, for H. P. Lovecraft, the space of dreams is an "other," similar to mythological reality, and the dream state is a portal to it, similar to portals in fantasy literature. At the same time, the writer's attitude to sleep as a mysterious world, a "true" reality, is consonant with both the Romantic and Modernist worldview. As a result of the research, it is determined that dreams and nightmares "enhance" the effect of H. P. Lovecraft's fiction, allowing the writer to achieve the maximum atmosphere of "supernatural horror" and the effect of the "illusion of verisimilitude," which are key to the author's Cthulhu mythology and the horror genre as a whole.

Введение

В литературе эпохи модерна, как и в других сферах художественного творчества, заметно влияние открытий в сфере психоанализа и всеобщего настроения кризисного времени рубежа веков и периода между двумя мировыми войнами. Исследование писателями «жизни души», ее зачастую бессознательных проявлений, поданных через гротескные видения и вызывающих ужас у читателя, становится одной из центральных тем многих произведений этого рубежного и кризисного времени. Как справедливо отмечал А. М. Эткинд, в данный период «естественные и очевидные проявления человека начинают казаться мнимыми и вторичными, скрывающими за собой более глубокую реальность, которая одна имеет подлинное значение» (1994, с. 41). Писателям этого периода (в том числе и фантастам) изображение «тайного» и «не проясненного» – проявлений сферы *бессознательного*, а также категория фантастического позволяли оформить их эстетические и духовные поиски, кошмары и апокалиптические мотивы в соответствующую литературную форму.

Сон как одно из таинственных состояний человека являлся как предметом пристального интереса в «науках о Духе» (В. Дильтей), в философии и психологии (труды З. Фрейда, К. Г. Юнга, Э. Фромма, постструктуралистов Ж. Делеза и Ф. Гваттари (Нагорная, 2006, с. 9)), так и важнейшим составным элементом художественных произведений XX века (например, в произведениях экспрессионистов, символистов, сюрреалистов).

К. Г. Юнг видел в сновидениях аккумулированный опыт человечества, общее архетипическое «коллективное бессознательное» – «образы и ассоциации, аналогичные первобытным идеям, мифам и ритуалам» (1997, с. 42). З. Фрейд, в свою очередь, считал, что «любое сновидение оказывается осмысленным психическим феноменом, который может быть в соответствующем месте включено в душевную деятельность бодрствования» (1991, с. 7), и, напомним, связывал сны со сферой индивидуального бессознательного и комплексов индивида. Э. Фромм размышлял о снах как «алогичных» состояниях, которые могут отражать деятельность как низших, так и высших функций мозга: «Большинство сновидений имеет одну общую особенность: они не следуют законам логики, которым подчинено наше бодрствующее сознание. Категории времени и пространства теряют свое значение. <...> Мы без труда мгновенно перемещаемся на дальнейшее расстояние или можем находиться одновременно в двух местах; во сне два разных человека могут соединиться в одном лице и один человек может внезапно превратиться в другого» (1992, с. 182).

Эти во многом разнонаправленные подходы к пониманию онейросферы в то же время делают пространство сна привлекательной областью и для модернистской, и для фантастической литературы. Связь сновидений как с «коллективным бессознательным», мифами, так и с внутренними «психическими феноменами» духовно-душевной жизни человека, а также алогичность сна, «повышенная семиотичность» его языка (индивидуальный характер образов для отдельного человека (Лотман, 2000, с. 126)) дают писателям возможность инкорпорировать сферу онейрического в фабулу произведений с целью исследования «истинной» реальности. Так, сон используется в литературе «для самых разнообразных целей формального построения и художественной композиции всего произведения и его составных частей, идеологической и психологической характеристики действующих лиц и, наконец, изложения взглядов самого автора» (Дынник, 1925, с. 645), что отчетливо заметно и в литературе XX века.

И. В. Семибратова, размышляя о сновидениях непосредственно в фантастике, отмечала, что «во сне может приключиться все, что угодно, сон оправдывает введение самых невероятных чудес. Поэтому сон – один из наиболее популярных в фантастической литературе мотивов» (1977, с. 164). Однако, по мнению одного из крупнейших представителей Петрозаводской филологической школы Е. М. Неёлова (1986, с. 40-44), для фантастики в ее «чистом» жанровом проявлении сон и любое другое более или менее «рациональное» объяснение фантастических событий – алкоголь, галлюцинации – факторы, во многом «отменяющие» саму фантастику. Так, в «жанрово-обусловленной» фантастике, по словам ученого, т. е. волшебной сказке, научной фантастике и фэнтези, фантастика используется как «самоцель», следовательно, вопроса о «реальности» событий для героев внутри произведения нет: они изначально верят в происходящее. Пограничные же, или измененные состояния сознания, в том числе, сновидения, эту веру героев в «реальность» событий «подрывают», отменяя фантастику в ее «чистом» понимании и вводя тем самым в произведение более сложные пласты смыслов и аллегорий.

В этом заключается проблема и в то же время интерес для исследователей творчества признанного мастера литературы ужасов, создателя популярной в массовой культуре мифологии Ктулху Г. Ф. Лавкрафта (1890-1937). Несмотря на то, что американский фантаст обращался к сфере онейрического, а также к неотделимо связанным с ней пограничным (измененным) состояниям сознания в большинстве своих произведений, его наследие все же воспринимается в контексте «жанрово-обусловленной» фантастики – литературы ужасов (хоррора).

Актуальность исследования обусловлена тенденциями в современном литературоведении в изучении различных аспектов модернистской и постмодернистской эстетики, а также поэтики фантастической литературы в ее жанровом и генетическом многообразии. При заметной распространенности мотива сна в произведениях создателя мифологии Ктулху, научных работ, посвященных рассмотрению онейросферы и аспектов психического в произведениях Г. Ф. Лавкрафта, крайне мало. Имеющиеся исследования затрагивают данный вопрос лишь частично (Martin, 2008; Данилов, 2011; Иванов, 2016). Исследование фантастики и, в частности, произведений Г. Ф. Лавкрафта через призму модернистской эстетики и онейрического позволит «вписать» наследие фантаста в общий контекст литературного процесса начала – первой половины XX века.

Для достижения поставленной цели выдвинуты следующие задачи: определить особенности фантастики Г. Ф. Лавкрафта в связи с онейрическим и проанализировать тексты писателя, выявив место и роль сновидений в «лавкрафтовских ужасах».

Ключевыми методами исследования явились метод целостного анализа художественных текстов, позволивший определить жанровое своеобразие фантастики Г. Ф. Лавкрафта и репрезентации в произведениях сферы онейрического; культурно-исторический метод, благодаря которому творчество писателя рассматривается в контексте эпохи модерна, что позволило выявить основные особенности литературы времени, отраженные и в «лавкрафтовских ужасах»; и (отчасти) компаративистский метод, давший возможность исследовать произведения Лавкрафта в сопоставлении с текстами писателей-современников и обнаружить общие тенденции в фантастической литературе указанного периода.

Основным материалом для статьи послужили тексты Г. Ф. Лавкрафта на английском языке и в переводе на русский язык:

- Lovecraft H. P. Beyond the Wall of Sleep // Pine Cones. 1919. Vol. 1. No. 6.
- Lovecraft H. P. The Shadow out of Time // Astounding Stories. 1936. Vol. 17. No. 4.

- Лавкрафт Г. Ф. За гранью времен: рассказы / пер. с англ. О. Алякринского, И. Богданова, О. Мичковско-го и др. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2016.
- Лавкрафт Г. Ф. По ту сторону сна // Лавкрафт Г. Ф. Сны Ктулху: сборник / пер. с англ. М.: Изд-во АСТ, 2021. Кроме того, в работе было привлечено следующее произведение Г. Майринка:
- Майринк Г. Голем / пер. с нем. Д. Л. Выготского; послесл. А. Г. Дугина; коммент. А. Г. Дугина и В. Ю. Крюкова. М.: «Прометей» МГПИ им. Ленина; Философское общество СССР, историко-философский центр «ЭОН», 1989.

Теоретической базой являются труды философов и психоаналитиков о сновидениях в мировой культуре и психоанализе (Фрейд, 1991; Юнг, 1997; Фромм, 1992), исследования о природе фантастического и ужасного (Неёлов, 1986; Семибратова, 1977; Carroll, 1990; Сафрон, 2020) и особенностях поэтики Г. Ф. Лавкрафта, в том числе через призму философских идей (Carter, 1972; Joshi, Schultz, 2001; Martin, 2008; Уэльбек, 2006; Ковалькова, 2001; Заломкина, 2011; Торопова, 2022; Сауткин, 2024), а также, несомненно, работы, раскрывающие поэтику сновидений и сферы онейрического в литературе, в частности модернистской и фантастической (Дынник, 1925; Лотман, 2000; Нагорная, 2006; Шарапенкова, 2011; Сафрон, 2018; Козубовская, 2021).

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в преподавании курсов зарубежной литературы, спецкурсов по американской литературе, модернистскому и фантастическому дискурсу, а также в дальнейшем рассмотрении фантастики и творчества Г. Ф. Лавкрафта в контексте ключевых тенденций в литературном процессе XX века.

Обсуждение и результаты

Г. Ф. Лавкрафт, выдающийся американский писатель-фантаст, творивший в кризисную эпоху первой половины XX столетия, известен как создатель мифологии Ктулху – так называемого нового лавкрафтовского мифа, а также, несомненно, как основатель литературы ужасов (хоррора) в современном понимании этого жанра (Carroll, 1990). Творчество писателя принято рассматривать с точки зрения поэтики жанра ужасов и особенностей фантастической образности его мифологии, т. е. в контексте «жанрово-обусловленной» фантастики (обозначенная ранее формулировка профессора Е. М. Неёлова).

В то же время для достижения в произведениях эффекта «сверхъестественного ужаса» Г. Ф. Лавкрафт обращается к описанию пограничных (измененных) состояний психики героев – галлюцинаций, бреда и сумасшествия, – а также к описаниям образов сновидений и кошмаров. Погружаясь в сон, персонажи произведений американского фантаста перемещаются между мирами и вступают в контакт с сущностями из иных миров (например, в рассказах и повестях «Полярная звезда» (Polaris, 1918), «По ту сторону сна» (Beyond the Wall of Sleep, 1919), «Зов Ктулху» (The Call of Cthulhu, 1928), «За гранью времен» (The Shadow out of Time, 1936) и многих других).

Так Лавкрафт открывает повествование в рассказе «По ту сторону сна»: «Интересно, задумывается ли большинство людей над могущественной силой сновидений и над природой порождающего их темного мира?» – и далее продолжает: «...мы как бы заглядываем в мир духа – мир не менее важный, чем наше физическое бытие, но отделенный от него непреодолимым барьером... Порой мне кажется, что именно та жизнь является подлинной, а наше суетное существование на земле – явление вторичное и даже мнимое» (2021, с. 61-62).

Напомним, что и для романтиков, и для модернистов (по сути, неоромантиков), во многом возрождавших особенности романтического мировидения, следовательно, – романтическую поэтику и эстетику, тема жизни духа выходит на первый план. Именно во сне у романтиков, по словам исследовательницы модернизма и постмодернизма Н. А. Нагорной, «человек контактирует <...> со своей таинственной природой и с космической реальностью» (2006, с. 9). В этом очевидно проявление ключевого для романтизма понятия двоемирия – противопоставления мира действительности и «истинной» реальности, что возрождается позже в модернистских произведениях и в фантастике (как XX века, так и в современных ее жанрах) (Сафрон, 2020).

А. Ю. Сорочан, в свою очередь, отмечает, что сновидение в романтизме (и вполне закономерно, позже в модернизме) – это «реальность; погружаясь в него, мы не утрачиваем логику, а обретаем иную, которая наяву может казаться странной и пугающей, но тем не менее остается непререкаемой и организует все видение мира» (2015, с. 11). Эту идею дополняет высказывание Г. П. Козубовской о том, что «ночной мир неоднороден, он в равной степени вбирает в себя “здешний” и “инойбытийный”, существуя в оппозиции живого/мертвого» (2021, с. 46), что иной раз свидетельствует о многогранности сферы онейрического.

Так, сновидения (вместе с другими пограничными состояниями сознания и фантастическими элементами) в произведениях романтиков и модернистов позволяют героям их произведений исследовать «скрытую» реальность и тайны души человека, а фантастика в целом и сновидения в частности получают аллегорическое и символическое значение.

Последнее замечание можно проиллюстрировать примерами из обширного пласта «литературной фантастики» (обозначение Е. М. Неёлова) и модернизма (например, романы Г. Майринка, притчи и романы Ф. Кафки и др.), где фантастика, сновидения и другие измененные состояния сознания выступают в качестве приемов для описания духовных исканий героев. Так, например, в самом известном романе австрийского экспрессиониста Г. Майринка «Голем» (Der Golem, 1915) сюжет основан на событиях внутри сна безымянного рассказчика, видящего себя другим человеком – резчиком камней Атанасиусом Пернатом – и переживающего его духовный опыт. Герой-рассказчик называет «царство сна» «подлинной жизнью» (Майринк, 1989, с. 19)

(что перекликается с мироощущением Лавкрафта в процитированном выше отрывке). Главная идея романа Майринка – духовное пробуждение героя ото сна души. Сюжетная линия и фантастическая, гротескная образность становятся средствами описания духовных озарений героев и самого писателя (Теличко, 2014; Шарапенкова, 2022).

Г. Ф. Лавкрафт в определенном смысле «наследует» романтическое видение сна (что очевидно из процитированного выше отрывка) и в то же время оказывается ближе к мифологическому и, соответственно, фантастическому образу сна как иной, реально существующей в рамках мироздания реальности. В отличие от Г. Майринка и других экспрессионистов, для Г. Ф. Лавкрафта сон не является аллегорией внутренних исканий, но становится ключом к параллельной в фантастическом смысле реальности, своего рода «порталом» к ней, подобно порталам в фэнтези и их предшественникам – мифам, в которых, как справедливо замечает исследователь А. А. Петров, сны – это иной мир, «окно в мифологическую реальность (мир богов, предков)» (2005, с. 86).

Для героев Г. Ф. Лавкрафта сон оказывается «иной» реальностью, зачастую неподвластной для восприятия человеческим сознанием. Так, переход героя из «посюстороннего» мира в «потусторонний» в произведениях фантаста возможен посредством буквального погружения в сон и путешествий внутри него (наиболее часто этот мотив встречается в условном «Цикле снов», фэнтезийном цикле рассказов и повестей, основной реальностью которых является мир сна), а также «принудительного» забвения, случающегося с героями из-за вмешательства постороннего инопланетного разума в их сознание.

Например, в уже упомянутом рассказе «По ту сторону сна» необразованный житель Катскильских гор Джо Слейтер под действием инопланетного разума, во многом превосходящего его собственный, совершает зверское преступление и попадает в психиатрическую клинику. Молодой врач-рассказчик, заинтересованный этим медицинским случаем, с помощью аппарата для телепатической связи во время сна пациента «подключается» к его мозгу; сознание рассказчика входит в контакт с инопланетным разумом и путешествует по потустороннему миру сна в сопровождении неизвестных существ. «Иная» реальность сновидения описывается героем как райское пространство («*elysian realm*»), что может также напомнить нам о путешествиях героев мифов в райские земли.

Вернувшись в реальный мир, рассказчик обнаруживает изменения, произошедшие с пациентом, чьим телом и разумом завладела сущность из «иного» мира: «Вглядевшись, я заметил, что на его впалых щеках появился отсутствовавший доселе румянец. <...> катскильский вырожденец Джо Слейтер смотрел на меня не прежними выцветшими глазками, а широко распахнутыми огненными очами. В его взгляде не было ни безумия, ни тупости. Никаких сомнений – на меня глядело существо высшего порядка» (Лавкрафт, 2021, с. 73).

Интересна здесь «мотивировка» стандартного для «жанрово-обусловленной» фантастики перемещения между мирами: с одной стороны, присутствует научно-фантастический элемент – аппарат, который становится предметом-проводником в потусторонний мир. С другой – этот «иной» мир находится в подсознании, во сне Джо Слейтера, к которому присоединяется рассказчик. Является ли этот мир реальным, или же это игра воспаленного воображения психически больного убийцы и впечатлительного молодого человека, пережившего нервное напряжение? Таким вопросом задается и сам Лавкрафт, и его герои, в том числе рассказчик данного произведения, привыкший к научному объяснению «странных» феноменов.

В этом заключается «усложнение» Лавкрафтом мифологического восприятия сна – от опыта путешествия в потусторонний мир к психологическим объяснениям сновидческих опытов в духе популярных в то время психоаналитических тенденций, нашедших яркое отражение в литературе модернизма.

Сновидения играют ключевую роль в развитии фабулы и в других произведениях писателя, в частности в повести «За гранью времен». Герой – профессор вымышленного Мискатоникского университета Натаниэль Уингейт Пизли впадает в амнезию; очнувшись после нескольких лет забвения, он видит сны-воспоминания о своем пребывании во время амнезии в теле инопланетного существа в мире Великой Расы. На протяжении всего сюжета повести герой сомневается в возможности перемещения сознания за пределы пространства и времени и, конечно, в реальности своих видений. Однако достоверность и осязаемость событий «внутри сна», совпадения с опытом воспоминаний других пострадавших, а далее и «узнавание» профессором во время экспедиции в Австралию древних руин зданий, по которым он путешествовал в своих кошмарах, наводят героя на ужасающую мысль о реальности перемещения его сознания в мир чужой расы:

«...я все еще не потерял надежду на то, что все произошедшее было просто еще одной из множества галлюцинаций, благо поводов для нервного расстройства у меня в те дни хватало с избытком. Но, увы, и эта слабая надежда каждый раз угасает, едва соприкоснувшись со страшной реальностью» (Лавкрафт, 2016, с. 216).

Несмотря на сохраняющуюся до конца произведений загадку, видится, что сам писатель отвечает на вопрос о реальности происходящего во снах героев в процитированном ранее рассказе: «...именно та жизнь является подлинной, а наше суетное существование на земле – явление вторичное и даже мнимое» (Лавкрафт, 2021, с. 62). Все психологические и рациональные объяснения, предлагаемые героями произведений Лавкрафта, рассыпаются перед фактами, которые они переживают и неохотно признают. Психологические объяснения – галлюцинации, нервное истощение, сны и кошмары – оказываются последней «соломинкой», за которую цепляются образованные герои Лавкрафта, пытаясь объяснить феномены, оказавшиеся страшнее сумасшествия и смерти и происходившие с ними самими в самом «уязвимом» состоянии – состоянии сна. Как пишет А. А. Торопова, связывая творчество Лавкрафта с философскими идеями И. Канта о трансцендентной телесности, типичный лавкрафтовский рассказчик «пытается исцелиться от травмирующего опыта, рассказав о нем, но в процессе рационализации он осознает, что описать это невозможно <...> когда мышление героя пожирает само себя, его носитель сходит с ума» (2022, с. 139).

Таким образом, сновидения, кошмары, галлюцинации и прочие психические состояния героев, не только не «отменяют» фантастику (о чем говорилось ранее), но и усиливают ее эффект. Сон у Г. Ф. Лавкрафта оказывается не столько приемом, при помощи которого писатель передает некие аллегорические и символические смыслы, как романтики и его современники-модернисты, сколько «иной», «параллельной» реальностью, в которую герои переносятся, проходя через своеобразный портал, не осязаемый и видимый, но существующий (хоть и в подсознании человека).

Обращение к психическим феноменам усиливает мистический и ужасный эффект от фантастических событий: именно нарастающее психическое напряжение героев «лавкрафтовских ужасов», балансирование на грани здорового сознания и помешательства, реальности и кошмара и постепенное усугубление нервного состояния пропорционально открывающимся перед героями ужасным «истинам» приводят читателя к состоянию внутреннего крайнего напряжения, ощущению «сверхъестественного ужаса» и «иллюзии достоверности» событий произведений – необходимого эффекта в жанре литературы ужасов (хоррора), генетически связанного еще с готической традицией (Carroll, 1990, p. 16).

В то же время, в отличие от любого кошмара, из которого сновидец с облегчением возвращается в привычную «безопасную» реальность, осознавая иллюзорность ужасных видений, герои произведений американского фантаста пробуждаются с еще более острым ощущением «зыбкости» реальности, разрушения законов природы и здравого смысла и воцарения хаоса. «Иллюзия стабильности» реальности и психики героев как особое проявление «модернистского гротеска» (Martin, 2008, p. 51-52) у Г. Ф. Лавкрафта достигает наивысшего проявления в ужасающих фактах, открывающихся героям во время их сомнамбулических опытов.

Конечно, мы не можем полностью игнорировать возможность частично аллегорического прочтения ужасов Лавкрафта и как продукта эпохи модерна. Н. А. Нагорная отмечает: «Кошмары оказываются продуктивными для творчества модернистов и постмодернистов. <...> Видимо, в них наиболее остро ощущается хрупкость бытия, находят свое место экзистенциальные мотивы страданий, одиночества, вины» (2006, с. 23). Так, известным нарративом в исследовании лавкрафтовских ужасов является в том числе расшифровка их «ксенофобного» и «расистского» содержания как личных страхов и неприязни писателя в реалиях многорасовой Америки того времени (Уэльбек, 2006). В то же время исключительная начитанность Лавкрафта – интерес как к готическим, так и модернистским произведениям литературы «сверхъестественного ужаса», – а также его многогранный интерес к сферам научного знания и совместное творчество с писателями-современниками позволили фантасту мастерски совместить модернистские тенденции начала XX столетия, традиции романтического и готического направлений, мифологические элементы и основы «жанрово-обусловленной» фантастики – литературы ужасов (хоррора).

Заключение

Предпринятый анализ позволяет нам прийти к следующим выводам. Творчество Г. Ф. Лавкрафта совмещает черты «жанрово-обусловленной» фантастики (формулировка Е. М. Неёлова), проявляющейся в образах фантастических и ужасных существ, традиционной в фантастической литературе оппозиции мира «посюстороннего» и «потустороннего», и аспекты модернистской поэтики, переданной, в частности, через обращение к сфере онейрического и к пограничным (измененным) состояниям сознания героев, т. е. сфере бессознательного. Сновидения и кошмары у Лавкрафта выступают как «истинная» реальность, что созвучно романтической эстетике, перенятой и модернистами (это проявляется, в частности, в романтическом мотиве двоемирия). В то же время сны являются «полноценной составляющей художественной реальности» (Сафрон, 2018, с. 229) «лавкрафтовского мифа», подобно пространствам древних мифов и фантастических произведений.

Особенность фантастики Лавкрафта – в обращении к всевозможным психическим феноменам и «психологизации» сюжетов; в этом нам видится отчетливое влияние на писателя-фантаста «новых» веяний в литературе, в частности модернистского направления, основывающихся в том числе на открытиях в сфере психоанализа и естественных наук.

Таким образом, мифология Ктулху, жидущаяся на идее о незначительности человечества в рамках Вселенной и невозможности познания ее тайн, созвучна всеобщему настроению кризисного времени первой половины XX столетия. В то же время она является классическим образцом фантастической литературы, где сновидения и кошмары в рамках мифологического понимания сна как «иной» реальности, романтического двоемирия, а также модернистских психоаналитических тенденций играют центральную роль в достижении «иллюзии достоверности» и создании атмосферы «сверхъестественного ужаса», ключевых для литературы хоррора и авторской мифологии.

Рассмотрение фантастики, литературы ужасов (хоррора) и творчества Г. Ф. Лавкрафта в контексте основных модернистских и постмодернистских тенденций в литературе XX века является основной перспективой для наших дальнейших исследований по данной проблематике.

Источники | References

1. Данилов Д. Д. Эскапизм и образы эскапистов в «Цикле снов» Говарда Лавкрафта // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2011. Т. 8. № 1.
2. Дынник М. А. Сон, как литературный прием // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2 т. М. – Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2.

3. Заломкина Г. Ф. Готический миф как литературный феномен: дисс. ... д. филол. н. Самара, 2011.
4. Иванов А. А. Расщепленная модель эго в фантастической литературе (на материале новеллы Г. Ф. Лавкрафта «Гипноз») // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2016. № 5-3 (83).
5. Ковалькова Т. М. Готическая традиция в американской прозе 1920-30-х годов: новеллистика Х. Ф. Лавкрафта: дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2001.
6. Козубовская Г. П. Русская литература и поэтика зримого: монография. Барнаул: АлтГПУ, 2021.
7. Лотман Ю. М. Сон – семиотическое окно // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
8. Нагорная Н. А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм: монография. М.: МАКС-Пресс, 2006.
9. Неёлов Е. М. Волшебство-сказочные корни научной фантастики / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986.
10. Петров А. А. О Мифах вокруг нас: сновидение и миф // Вестник Омского университета. 2005. № 1.
11. Сауткин А. А. Космический пессимизм Г. Ф. Лавкрафта и некоторые параллели к нему // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10-4 (97).
12. Сафрон Е. А. Наследие немецкого романтизма в отечественном городском фэнтези // Научный диалог. 2020. Вып. 12.
13. Сафрон Е. А. Онейросфера как элемент поэтики повестей М. Фрая (на примере сборника «Чужак») // Новый филологический вестник. 2018. № 2 (45).
14. Семибратова И. В. Фантастическое в творчестве Пушкина // Замысел, труд, воплощение...: сборник статей. М.: Изд-во Московского университета, 1977.
15. Сорочан А. Ю. Дискурсы ужасного: к постановке проблемы // Все страхи мира: Horror в литературе и искусстве: сб. статей. СПб. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015.
16. Теличко А. В. Поэтологические особенности романов Г. Майринка: дисс. ... к. филол. н. М., 2014.
17. Торопова А. А. Кантианская модель трансцендентной телесности (на примере творчества Г. Ф. Лавкрафта) // Трансцендентальный поворот в современной философии – 7. Эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект: сб. тезисов международной научной конференции. М.: Изд-во ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», 2022.
18. Уэльбек М. Г. Ф. Лавкрафт: против человечества, против прогресса / пер. с фр. И. Вайсбура. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
19. Фрейд З. Толкование сновидений. Ереван: Камар, 1991.
20. Фромм Э. Забытый язык // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
21. Шарапенкова Н. Г. «Огненная симфония»: романы Андрея Белого и Густава Майринка в типологическом освещении // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. Вып. 6. № 6.
22. Шарапенкова Н. Г. Онейросфера романа «Петербург» Андрея Белого (миф о жителетворчестве) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. Т. 1. № 7.
23. Эткинд А. М. Эрос невозможного: развитие психоанализа в России. М.: Гнозис; Прогресс-Комплекс, 1994.
24. Юнг К. Г. Человек и его символы / пер. с нем. М.: Серебряные нити, 1997.
25. Carroll N. The Philosophy of Horror, or Paradoxes of the Heart. N. Y.: Routledge, 1990.
26. Carter L. Lovecraft: A Look behind the "Cthulhu Mythos". N. Y.: Ballantine Books, 1972.
27. Joshi S. T., Schultz D. E. An H. P. Lovecraft Encyclopedia. Westport: Greenwood Press, 2001.
28. Martin S. H. P. Lovecraft and the Modernist Grotesque: Doctoral Dissertation. Pittsburgh: Duquesne University, 2008.

Информация об авторах | Author information

Тимошкина Мария Игоревна¹

¹ Петрозаводский государственный университет

Maria Igorevna Timoshkina¹

¹ Petrozavodsk State University

¹ mari.macha94@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.02.2025; опубликовано online (published online): 21.03.2025.

Ключевые слова (keywords): Г. Ф. Лавкрафт; онейросфера; сновидения и кошмары; сверхъестественный ужас; иллюзия достоверности; H. P. Lovecraft; oneiropherie; dreams and nightmares; supernatural horror; illusion of verisimilitude.